

УДК 27-725

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-288-299

АРХИМАНДРИТ МИСАИЛ И ЕГО РОЛЬ В УСТРОЙСТВЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

© **Василий Кузнецов**

учитель истории и обществознания, гимназия «Мастер-класс»,
г. Москва

В статье рассматривается биография архимандрита Мисаила, организатора дел Даурской духовной миссии, деятельность которого была сопряжена с преодолением трудностей, связанных с освоением новых территорий за оз. Байкал. Цели и задачи миссии заключались в обращении в православную веру людей в пределах Российской империи. При архимандрите расширяются Посольский и Селенгинский монастыри, начинается строительство каменных церквей, развиваются монастырское хозяйство, солеварни, рыбные промыслы, появляются монастырские приписные деревни.

В статье раскрываются основные тенденции эволюции епархиального управления в Забайкалье в конце XVII — нач. XVIII в., это поступательность в развитии структуры управления, трансформация принципов церковного управления в сравнении с прежним опытом церковного вотчинного хозяйства.

Ключевые слова: архимандрит Мисаил, Троицкий монастырь, Даурская духовная миссия, освоение Сибири.

ARCHIMANDRITE MISAEL AND HIS ROLE IN THE BAIKAL SPIRITUAL MISSION ORGANIZATION

Vasily Kuznetsov

Teacher, NIGHT school "Master class", Moscow

The article deals with the biography of Archimandrite Misael, organizer cases Daur spiritual mission, which has been associated with overcoming the difficulties associated with the development of new territories for oz. Baikal, goals and objectives mission aimed largely to appeal to the Orthodox faith living within the Russian Empire not Christians. When Archimandrite expand Embassy and Selenge monasteries, begins construction of stone churches, the monastery economy develops, salt works, fisheries, appear monastery of the assigned villages.

The article describes the main trends in the evolution of the diocesan administration in Transbaikalia in the late XVII early XVIII centuries, this progressiveness in the development of governance structures, the transformation of the principles of Church administration in comparison with the previous experience of Church patrimonial economy.

Keywords: Archimandrite Misael, Trinity Monastery, Daurskaya spiritual mission, the development of Siberia.

Устройство духовных миссий в России (общее и частное)

Православные духовные миссии, направляемые из религиозных и административных центров нашей страны на окраины, заселенные преимущественно нехристианами, стали своеобразным способом включения коренного населения того или иного региона в русское пространство, как с политической, так и с экономической точки зрения. Именно поэтому следует отметить некоторые аспекты, связанные с организацией экономической и административной сторон этого явления, чтобы более полно и четко представить, с какими задачами столкнулся фактический устроитель Забайкальской духовной миссии архимандрит Мисаил в бытность его главой миссии (1694–1720 гг.).

Несмотря на колоссальную роль православия в России, Православное миссионерское общество, всероссийская общественная организация, было образовано лишь в 1870 г. по инициативе митрополита Московского и Коломенского Иннокентия [15, с. 17]. Стоит, однако, оговориться, что в Петербурге действовало подобное общество с 1865 по 1868 г. под председательством князя Н. С. Голицына, но реальные достижения общества были невысоки, именно поэтому центр общества был перенесен в Москву, а его председателем становился митрополит Московский и Коломенский. Согласно Уставу общества, оно должно «содействовать, на точном основании сего устава, православным миссиям в деле обращения в православную веру обитающих в пределах Русской Империи не христиан и утверждение обращенных как в истинах св. веры, так и в правилах христианской жизни» [15, с. 6]. Следовательно, вплоть до второй половины XIX в. поддержка духовных миссий не была регулярной. Более того, организованные, как правило, в областях с проживанием коренного населения, которое имело свою веру и свою культуру, православные духовные миссии (такие как Алтайская, Иркутская, Забайкальская) были вынуждены обучать местное население русскому языку, грамоте и лишь после знакомить их с основными постулатами православия.

Если говорить об организации Забайкальской духовной миссии, то следует отметить, что «вопрос об учреждении миссии в Даурии или Забайкалье возник при патриархе Иоакиме на Московском соборе 1681 г.» [14, с. 28], однако инициатором этого было государство в лице царя Федора III. Здесь необходимо вспомнить, что основным принципом отношений церковных и светских властей в XVII в. был принцип *симфонии*, подразумевавший согласование интересов Русской православной церкви и государства, хотя с XVIII в. намечается крен в сторону доминирования государственных интересов над церковными [11, с. 120]. В отношении же Забайкалья этот принцип был применен как нельзя лучше: церковь получила площадку для проповеди и распространения православия, а государство перекладывало расходы на развитие и удержание территории на церковь. «Из сведений, относящихся к 1731 г., видно, что игумен Феодосий заново устроил Троицкий Селенгинский монастырь с церковью во имя живоначальная Троицы и другую — во имя святителя Николая» [14, с. 28]. Необходимо сказать, что государство поначалу поддержало создание

монастыря, игумену Феодосию «велено было взять 300 рублей в Енисейске из «Сибирских доходов», кроме того, они привезли с собой из Москвы от щедрот царских много богатой церковной утвари и даже царские врата для храма, оправленные серебром» [14, с. 29]. Более того, тобольский воевода Головин получил указание снабдить монахов всеми необходимыми материалами и при необходимости отправить людей на строительство новой обители. Однако с 1681 г. вплоть до 1705 г. никаких дотаций от государства миссия не получала, основной же доход монастырей составляли натуральные оброки с местных неофитов, а также иные повинности в пользу церкви. Примечательно, что отсутствие больших земельных владений, а также практики оседлого земледелия вынуждало условно выделять те или иные территории и приписывать их к монастырям. Так, Троицкий монастырь, несмотря на утрату Посольской дачи, к 1714 г. обладал колоссальными наделами, среди которых особое место занимали реки и озера, например оз. Котокиль со всеми впадающими в него реками. А уже в 1723 г., как сообщает архиепископ Мелетий, на вотчинных землях монастыря проживало 60 человек, многие из которых были не только неофитами, но и «живыми вкладами» казаков и служилых людей [11].

Таким образом началась деятельность Забайкальской духовной миссии, которая ознаменовалась большими духовными завоеваниями миссионеров, а также небывалым экономическим оживлением суровых земель. Вместе с иг. Феодосием участие в организации жизни миссии принимали иерм. Макарий и будущий архимандрит Мисаил, которым было поручено обустроить первую дачу Селенгинского на Посольском мысу. Стоит отметить, что монахи при помощи казаков достаточно быстро возвели монастырь-крепость, стены которого первоначально были деревянными, но церковью эта обитель не имела. «Первую соборную 1684-м Генваря 31, вторую во имя Николая-чудотворца 1685-м годе мая 9 числа Его государевою казною в совершенство построили» [13, с. IX], так возник Посольский монастырь.

Первоначально именно в монастырях сосредоточивалась миссионерская деятельность русских монахов. Следует отметить, что для монастырей в европейской части России характерны в XVII в. духовная, просветительская и экономическая функции, тогда как в Сибири к ним добавлялась еще и оборонительная – от набегов коренных жителей. Важно понимать, что миссионерство в Сибири предполагало не только обращение в христианство и проповедь (как это было в европейской части России), но и втягивание местного населения в экономические отношения России. С одной стороны, это гарантировало прочную «привязку» коренных жителей, а с другой — существенно поднимало уровень их экономических навыков. В силу того, что оседлое земледелие, пусть даже и в зависимости от монастыря и духовной миссии, гарантировало некоторую стабильность и устойчивость производственного цикла, что было лучше капризного и прихотливого скотоводства, процветание которого слишком зависело от природы.

При этом монахи активно использовали местные отношения между колонизаторами и местным населением. «Так как сибирскими завоевателями

был введен обычай покупать, перепродавать и закладывать опальных иноземцев, то миссионеры воспользовались тем же правом не для того, чтобы поработать себе их, а для надлежащего их воспитания в духе христианства и приучения их к русскому православному быту» [13, с. XXIII].

Следующей особенностью духовных миссий в Сибири можно назвать их малочисленность (Алтайская миссия начиналась тремя монахами, Забайкальская – двенадцатью). В то же время в европейской части России христианская проповедь (и вообще любая духовная деятельность) носила уже со времен церковного Собора 1551 г. (Главы 71. О нищепитательстве, 74. Ответ о святых честных иконах) [10, с. 373–376] характер послушания и исполнялась регулярно с благословения архиерея и по указу царя. В Сибири подобная практика не была возможной в силу разбросанности острогов и малой плотности населения, в первой четверти XVIII в. на землях Троицкого монастыря (порядка 900 десятин) проживало менее ста человек. Одиноким проповедником, оторванный от своей обители и проповедующий слово Христово коренному населению, мог просто погибнуть. Именно поэтому более эффективным способом привлечь местное, в основном кочевое, население Забайкалья к православию была организация постоянного контакта коренных жителей и миссионеров в относительно компактных монастырских владениях. Именно поэтому основную деятельность по обращению местного населения в православие и обучение его основным навыкам оседлой жизни миссионеры проводили либо непосредственно в обителях, либо на монастырских землях, где устойчивое и поступательное развитие хозяйства достигалось путем предоставления коренным жителям льгот.

Особенности Забайкальской духовной миссии в годы жизни архимандрита Мисаила

В конце XVII в. центром епархии был город Тобольск, а сама епархия называлась Сибирская и Тобольская. «Тобольская митрополия, открытая в 1621 году, распространялась на Восток, Север и Юг по мере того как русское казачество утверждало русское господство в Сибири, так что, наконец, власть сибирских митрополитов достигала берегов Лены, Амура и Камчатки. Митрополия разделялась на десятины, из коих каждая могла составить по своей территории особые епархии» [13, с. IV]. Следовательно, для митрополита, тогда еще одного за Уралом, управлять такими территориями было не так-то просто. Если же принять во внимание факт присутствия и постоянного увеличения старообрядческой общины на этой территории, то сложность задачи представляется колоссальной. К 1687 г. Забайкальская духовная миссия имела 1 монастырь с дачей, а ее деятельность стремительно набирала обороты. Многие представители бурятской знати стремились на русскую службу и принимали крещение для этого, простые же коренные жители в случае принятия христианства становились не только «своими» для колонизаторов, но и начинали перенимать у них основные приемы земледелия. Так, например, бурятский князь Гантимур был главой 14 тунгусских родов и достаточно долгое время служил китайским императорам и был одним из влиятельных чи-

новников Маньчжурии. Однако тунгусские племена рассматривались Китаем как щит против русских в Сибири. Гантимур же понимал, что противостоять казакам и стрельцам не так-то просто, именно поэтому в 1667 г. он откочевал в русские земли, а в 1684 г. «с одним из своих 13 сыновей Катанаем» принял Святое Крещение. Сам Гантимур был наречен Петром, а его сын Павлом [14, с. 29].

Однако не все местное население стремилось принять православие и присоединиться к «русскому миру». Многие бурятские роды начали активное противодействие русскому проникновению, нападая на основные форпосты и тревожа острожную и монастырскую жизнь. Именно поэтому как для Посольского, так и для Селенгинского монастырей было характерно обладание существенным оружейным арсеналом для организации обороны. Например, в Селенгинском монастыре «по описи 1732 г. монастырь имел для всякой обороны 3 пушки, 65 самопалов, 12 бердышей и 2 палаша, 12 пудов 28 ф. пороху, 2 п. 30 ф. свинцу» [13, с. XXVIII]. Жизнь же в самом монастыре в первые годы деятельности походила более на несение военной службы, нежели на тихую монашескую жизнь. Селенгинский монастырь входил в ансамбль острога, то есть был, по сути, частью оборонительных укреплений и часто подвергался нападению местного населения. В силу этого факта игумен Феодосий попросил учредить дачу «для тихого жития монахов» — так был основан Посольский монастырь.

Стоит заметить, что монастыри, как Селенгинский, так и Посольский, обеспечивали значительными денежными суммами, а также натуральными продуктами нужды Забайкальской духовной миссии. Например, землепользование было организовано по образу и подобию его устройства в европейской части России: поселенцы на монастырских землях платили монастырю оброк и выполняли барщину, а также гарантировали, что их дети после них продолжат эту традицию. «А пашню нам и детям нашим пахать на их монастырский обиход по десятинае в поле, а сеять их монастырские семена, ... и нам пахать на себя их монастырской земли елико мочь моя будет» [13, с. XXVIII]. Однако, если сравнивать положение зависимых монастырских крестьян в европейской части России и Сибири, то необходимо отметить, что последние обладали гораздо большим количеством прав и несли колоссально меньше повинностей. Если в середине XVII в. в Центральной России случались нападения крестьян на монастырских управителей, то в Сибири таких случаев зафиксировано не было. В то же время в силу нехватки управленцев на местах монастыри привлекали на управленческие позиции местное население. «Вкладчики пользовались еще большей свободой и даже правом голоса в монастырских делах. Они разделяли с посельными монахами управление на монастырских вотчинах и заведовали экономией монастыря» [13, с. X].

Таким образом, говоря об особенностях устройства Забайкальской миссии, следует отметить следующее:

- во-первых, монастыри миссии, кроме своих непосредственных просветительских функций, выполняли оборонную функцию и обладали достаточным арсеналом для организации обороны;

- во-вторых, экономическая функция Забайкальской миссии заключалась в организации обучения местного населения основным приемам сельского хозяйства, а также координации трудовой деятельности поселенцев;

- в-третьих, важно учитывать, что положение зависимых от монастыря крестьян существенно отличалось от их положения в Центральной России. Если в европейской части России крестьяне были притесняемы и неоднократно поднимали мятежи, то в Сибири крестьяне, особенно неопиты, получали существенные льготы (освобождение от ясака на пять лет), что превращало их в лояльных поселенцев.

Жизненный путь и служение Мисаила-долгожителя

Судьба архимандрита Мисаила представляет собой ярчайший пример русского духовного подвига и подвижничества, который тяжело осмыслить, если не представлять, насколько сложными оказались задачи. Более того, служение Мисаила имеет мало аналогов, так как, приняв постриг в 26 лет, он вплоть до своей смерти в возрасте 110 (или 112) лет достойно нес пастырское бремя, преодолевая все невзгоды и трудности. Рассмотрим основные вехи жизни архимандрита Мисаила и его неоценимый, пожалуй, решающий вклад в устройство дел Забайкальской духовной миссии с самого ее основания.

Где и когда родился будущий архимандрит Мисаил, нам, к сожалению, не известно. Первейшие сведения, дошедшие до нас, гласят, что «он был родом из г. Краснослободска, из подъячих пострижен в монашество, 26 лет, в 1671 г. игуменом Феодосием в Спасском монастыре на Зеленых горах (Нижегородская епархия)» [14, с. 12]. Здесь же возникает некоторое противоречие: архиепископ Мелетий сообщил два противоположных факта. Он пишет, что Мисаил прожил 110 лет и умер в 1742 году, т. е. дата его рождения приходится на 1632 (1633) год, однако если в 1671 г. Мисаилу было 26 лет, то год его рождения падает на 1645. Никому, конечно, не придет в голову утверждать, что даты жизни сфабрикованы, напротив, скорее всего ошибочна дата пострижения, т. е. о. Мисаил был на тринадцать лет старше в момент своего пострижения, а тот факт, что ему на момент пострижения было 26 лет, ошибочен, по крайней мере именно в такой трактовке данный вопрос воспринимался в XIX в., когда уже был основной массив научных и публицистических трудов о Даурской миссии.

Также остается загадкой, где провел 10 лет своей жизни о. Мисаил после пострижения, возможно, это могла быть древняя Санаксарская обитель либо Спасский монастырь, где он принял постриг. В данном вопросе важно другое — о. Мисаил был подле игумена Феодосия и заслужил доверие и уважение как ревностный поборник веры. Именно поэтому в 1681 г. отец Мисаил становится, по сути, третьим человеком в Даурской духовной миссии.

Как уже отмечалось, фактическими основателями Посольского монастыря стали отцы Макарий и Мисаил. Однако если Макарий очень быстро начал продвигаться по духовной иерархии и был направлен в Иркутск, то о. Мисаил, напротив, служил очень долгое время в Даурской и Селенгинской

десятине, что и стало основой его авторитета и уважения трех митрополитов Тобольских и Сибирских, никто из которых не смог отпустить о. Мисаила на покой.

В 1686 г. о. Мисаилу выпадает миссия строительства и освящения новой церкви в г. Нерчинске вместе с белым священником Кириллом. Также Мисаил должен был собрать подати с окрестных острогов, самого Кирилла и церковных старост. Подобные поручения от сибирских митрополитов были привычной рутинной для Мисаила: через пять лет новое поручение административного характера, но уже в Иркутском уезде.

Уже будучи дьяконом, в 1688 г. Мисаил отправляется на объезд волостей от Селенгинского до Баргузинского острога, а оттуда в Иркутский для «исправления церковных догмат и духовных дел» [13, с. XII]. Стоит отметить, что в «Воеводской памяти приказным людям...» содержится приказание всем служилым людям помогать дьякону, обеспечивая его миссию подводами и, если будет такая потребность, охраной. Таким образом, государство в лице центральной власти было заинтересовано в использовании ресурсов церкви для борьбы против раскола, с одной стороны, для получения информации о реальном количестве населения и ресурсах Забайкальского края – с другой. Стоит отметить, что Забайкальская духовная миссия выполняла широкий круг поручений, а компетенция ее представителей иногда выходила за рамки духовной сферы. В ходе своей миссии дьякон Мисаил обращался к отпавшим от церкви раскольникам, если же находились такие, «которые учнут остлушатца, и ему, дьякону Мисаилу, на тех ослушников давать служилых людей». По сути, дьякон обладал широкими полномочиями, которые позволяли ему не только проповедовать, но и вершить церковный суд при помощи репрессивного аппарата государства.

Через два года о. Мисаилу было приказано «ехать ... в Иркутский, Балаганский, Братский (остроги), а приехав, у закащиков Софийского дому сборные деньги и тем сборным деньгам книги принять и счесть» [13, с. 42]. Разумеется, что митрополит не стал бы доверять подобное дело ненадежному человеку, следовательно, уже в 90-х гг. XVII в. о. Мисаил пользовался авторитетом честного и порядочного человека, что не может ему не сделать славы, когда в том же году митрополит Петр требовал к себе священника из Братского острога «для сыску по недоимкам».

Более сложная миссия ожидала о. Мисаила в 1693 г. Один из пашенных людей Братского острога, Григорий Кобелев, отправился на богомолье к Соловецким старцам, оставив дома жену и детей. Однако прокормиться семье было невозможно и поэтому его жену, Акулину, выдал при живом муже повторно замуж сын боярский Яков Благин за Симона Кирилова, также братского поселенца. Однако через почти два года Кобелев вернулся домой и, узнав о новом замужестве супруги, подал митрополиту челобитную с просьбой восстановления справедливости. Эта миссия и ждала о. Мисаила. Так как предписание митрополита гласило восстановить законный брак, о. Мисаил справился с этой задачей, другого выбора у него не было, точнее, он не привык иметь другой выбор. Уже к 1990-м гг. XVII в. о. Мисаил был пастырем

более 30-ти лет, именно поэтому он не мог противиться воле митрополита, с одной стороны, а с другой – осознавал важность возложенной на него миссии — восстановления благочестия.

В 1692 г. игумен Феодосий, первый руководитель Даурской духовной миссии, получил разрешение отбыть в Европейскую Россию и скончался по дороге. Его похоронили в Устюге Великом, в Архангельском соборе. После него миссию возглавил о. Макарий, который, однако, скончался через 2 года. И с 1693 г. миссию возглавил о. Мисаил, который употреблял все силы и средства, чтобы дело первой духовной миссии в Сибири не прекратилось. Именно при нем расширяются Посольский и Селенгинский монастыри, начинается строительство каменных церквей. Митрополит также оговаривает и размеры денежных средств, которые архимандрит Мисаил должен отсылать в Тобольск в Софийский архиерейский дом. Денежные средства Мисаил должен был получать от свадеб (с отроков по 10 алтын и 4 деньги, с двоеженцев — двойную ставку, с троюженцев — тройную), а также исполнения треб (с духовных памятей — 7 алтын 2 деньги; с похоронных памятей — 9 алтын 2 деньги). Отдельно митрополит Игнатий оговаривает обязанности Мисаила относительно поддержания морали и единства церкви: «да ему же игумену смотреть над попами и во всей Селенгинской десятине и проведывать, чтоб у них в церквях Божиих было благочинно, в два голоса не пели и не говорили, выжидали б концов и бесчинства никакого не чинили и на кабаки не ходили» [8, с. 45].

Духовенство того периода было обязано приветствовать появление на свет новых членов монаршей семьи, и такие распоряжения митрополиты Тобольские и Сибирские направляли архимандриту Мисаилу по случаю пополнения монарших семейств. В 1693 г. пришла грамота, предписывающая соборное и келейное богомолье по случаю рождения Анны Иоанновны, дочери Ивана Алексеевича. Митрополит Игнатий указывает, что царевну нарекли Анной в честь Анны Пророчицы, и велит Мисаилу упомянуть обоих царей, цариц, великих князей и княжон [3, с. 44]. Также архм. Мисаил получал и поручения, связанные с отпеванием царственных особ. В 1694 г. Мисаилу было поручено справиться четырехдесятницу по государыне царице Наталье Кирилловне [16, с. 49–50].

В 1695 г. менее чем за полгода по решению митрополита Игнатия Мисаил был освобожден от исполнения обязанностей десятника Якутской и Даурской десятин. С одной стороны, Мисаил передавал двум служилым людям митрополита Ивану Толстоухову и Василию Артемьеву [7, с. 52–53; 6, с. 53] все полномочия по сбору «даней» в указанных десятинах, с другой стороны, освобожденный от данных обязанностей, он мог больше времени посвящать духовному наставничеству и молитве.

При этом роль Мисаила как важного и крупного церковного администратора не стала меньше. Напротив, именно Мисаилу митрополит Игнатий поручает заботы о снабжении миссии диакона Лаврентия Иванова, который отправлялся в Китай для освящения там церкви. Стоит заметить, что Мисаилу было необходимо выделить 10 р. [5, с. 51–52] на путевые расходы Иванова, что составляло немалую сумму для того времени, хотя сами вверенные

Мисаилу десятины приносили по несколько тысяч рублей за отчетный период, который в XVII в. традиционно составлял «треть года».

В 1695 г. митрополит Тобольский предписывает «ведати ему, игумену Мисаилу, в городах в Селенгинском, Иркутском, Нерчинском, Удинском, в острогах Балаганском, Выдинском, Верхоленском, Баргузинском, Яравинском, Телембенском, Аргунском, в селе Бирюльском и тех вышеписанных городов и острогов во всех уездах церковные догматы и духовные дела и судити во всяких делах духовный чин игуменов и строителей и иноков и инокинь, протопопов и попов и дьяконов» [13, с. 45]. Однако управление духовными делами вышеперечисленных поселений было ограничено исключительно духовными вопросами, так как десятниками были назначены, как мы уже отмечали, боярские дети, находящиеся на службе у митрополита.

В 1696 г. митрополит Игнатий направляет о. Мисаилу Благословенную грамоту о построении в городе Удинске (Верхнеудинске) церкви Всемилостивого Спаса Нерукотворного [1, с. 73–74]. Грамота стала ответом на челобитную служилых людей города Удинска, которые на протяжении многих лет несли государеву службу, не имея при этом церкви. При этом строительный материал для постройки был заготовлен и просто гнил на протяжении трех лет, так как без архиерейского благословения никто не решался начать стройку. Митрополит повелел Мисаилу построить церковь, но в то же самое время воспретил в дальнейшем начинать постройку новых церквей без его ведома. Данное требование объяснялось катастрофической нехваткой священнослужителей, без которых церковь бы простаивала, ветшала и в конце концов просто приходила в негодность. За дальностью расстояний митрополит просил Мисаила собирать челобитные о постройке новых церквей и направлять в Тобольск, где и принималось окончательное решение.

В 1698 г. игумен Мисаил получил поручение от митрополита восстановить в качестве строителя Иркутского Вознесенского монастыря Власа Сидорова, иркутского жителя. Митрополит разобрал «дело» Сидорова, который на протяжении нескольких месяцев находился в заточении по ложному обвинению в казнокрадстве и пьянстве, сфабрикованным «в миру женой ссыльной и известной воровкой» Кириакией, которая, сговорившись с ссыльным человеком Сенькой Мясниковым, оговорила честного Власа Сидорова [4, с. 83–86]. Митрополит, даже лично разбирая дела или принимая участие в их рассмотрении, оказывал реальное воздействие на суть вопроса, хотя фактически именно Мисаилу принадлежало неограниченное и постоянно увеличивающееся политическое и духовное влияние на умы в Забайкалье.

В 1699 г. игумен Мисаил был возведен митрополитом Игнатием в сан архимандрита Троицкого монастыря. В том же году он сообщает следующее о судьбе первого состава Даурской духовной миссии: «А прочая братия, которые отпущены с нами с Москвы волею Божьей, преставилися при мне архимандрите Мисаиле в разных годах и числах, один я, архимандрит Мисаил, и поныне во оном Троицком Селенгинском монастыре жив обретаюся»

[13, с. XXVIII]. Дальнейшие труды о. Мисаила — это бесконечные и неоценимые хлопоты по устройству монастырей и благополучия поселяющихся на их землях неофитов.

Именно поэтому в ноябре 1700 г. о. Мисаил обращается к митрополиту Игнатию с челобитной, в которой просит пристроить алтарь к часовне во имя Знамени Пресвятой Богородицы, которая находилась на даче Троицкого монастыря на Посольском мысу. Митрополит удовлетворил эту просьбу, а к памятной грамоте даже повелел приложить свою печать на красном воске [9, с. 104–105].

В 1699 г. митрополит Игнатий получает грамоту от Петра I и патриарха Андриана, в которой звучит четкое требование описать всех православных христиан, указав при этом время, когда те последний раз причащались. Эту задачу митрополит поставил перед арх. Мисаилом, а также перед десятниками всех четырех десятин. Перепись православных проводилась с целью определения силы и размаха проповеди старообрядцев в самой обширной епархии.

В 1702 г. уже от нового митрополита Тобольского Филофея архм. Мисаил получает приказ о материальной помощи в организации посольства в Китай для проповеди. Если аналогичный предыдущий приказ четко обозначал сумму (10 р.), то в новом поручении говорится о выдаче трех подвод и «что им в дорогу надобно будет». Стоит заметить, что митрополит [17] гарантирует компенсацию монастырю: «а за данные ваши подводы укажем мы, великий государь, в грядущее время учинить вам поискание» [2, с. 120].

В 1714 г. о. Мисаил получает инструкцию от самого царя Петра, в которой ему детально объясняются его обязанности на месте заказчика Иркутской десятины. Это, по сути, предпоследнее упоминание об о. Мисаиле. Здесь важно подчеркнуть, что в 1714 г. ему было уже без малого 70 лет, следовательно, исполнение обязанностей заказчика в суровых сибирских условиях было не таким уж простым делом, но архимандрит с честью и стойкостью выполнил предписание царя и вплоть до 1742 года, т. е. до самой смерти, исполнял эти обязанности.

Последнее упоминание об о. Мисаиле перед его смертью оставил он сам, сообщив в своей грамоте митрополиту о пожаре, произошедшем в Посольском монастыре, том самом, который уничтожил существенную часть архива монастыря. Следует заметить, что уцелевшую часть архива в 1741 г. по приказу Елизаветы Петровны надлежало перевести в Москву, но монахи не спешили расстаться с древнейшими грамотами и документами о русско-китайских отношениях. Именно поэтому отправка архива затягивалась, а когда архив был подготовлен к отправке и складирован на берегу Байкала, наступила зима. Весной же озеро разлилось и унесло в свои пучины ценнейшие документы по истории и Забайкальской миссии, и монастырей. Материалами для данной работы послужили грамоты митрополитов Сибирских и Тобольских митрополитов, отправленные в разные годы в Троицкий монастырь и лично архимандриту Мисаилу.

Жизненный путь и обстоятельства, в которых о. Мисаил оказался в Забайкалье, демонстрируют две важные тенденции в роли церковной администрации в управлении сибирскими вотчинами. Первая тенденция — это поступательность в развитии структуры управления. Довольно долгое время административные функции выполняли «черный дьякон», «иподьякон» и, наконец, «игумен» Мисаил, который долгое время проводил в дороге между отдаленными острогами и часовнями и Софийским архиерейским домом и Иркутском. Как только церковная администрация смогла позволить себе расходы на содержание собственного служилого аппарата, то тут же на место духовного лица приходят лица светские, но находящиеся на службе у митрополита.

Вторая тенденция — трансформация принципов церковного управления в сравнении с прежним опытом церковного вотчинного хозяйства. Если в европейской части России (за исключением Поморья и Великого Новгорода) главным источником церковных доходов были вотчины и эксплуатация труда зависимых крестьян, то в Забайкалье и Сибири в целом происходило постепенное население и приращение монастырских вотчин, на которых селились лично свободные, гулящие люди, купленные неофиты, обязанные платить 10 %-ный оброк, а также выполнять сравнительно легкие повинности. При этом монастыри активно занимались ведением промыслового хозяйства (рыбные ловли и соляные варницы), что может свидетельствовать о гибкости и административной смекалке церковных управленцев и, в частности, такого деятеля Даурской Духовной миссии, как архимандрит Мисаил.

Литература

1. Благословленная грамота игумену Мисаилу о построении в городе Удинске (Верхнеудинске) церкви Всемилостивого Спаса Нерукотворного Образа // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.

2. Грамота архимандриту Мисаилу о посольстве в Китай для проповеди Слова Божьего с купчиной Иваном Саватьевым иеромонаха Сергия с певчим Филипом Хавовым, и командировке туда же иеродьякона Феодосия на счет Троицкого Селенгинского монастыря // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.

3. Грамота в Селенгинский Троицкий монастырь игумену Мисаилу о Богомолии по случаю рождения царевны Великой Княжны Анны Иоанновны // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.

4. Грамота заказчику игумену Мисаилу о возвращении к прежней должности Знаменского Девичьего монастыря в городе Иркутске Власа Сидорова, оговоренного в разных преступлениях // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.

5. Грамота заказчику игумену Мисаилу о выдаче посланному из Тобольска в Китай для освящения церкви соборному диакону Лаврентию Иванову 10 руб. на путевые издержки // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.

6. Грамота заказчику игумену Мисаилу о назначении в Якутскую десятину десятником боярского сына Василия Аврамьева и перечислении в ту десятину островов: Илимского, Киренги, Братского, Верхоленского и села Бирюльского с уездами // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.
7. Грамота игумену Мисаилу о назначении на место его десятником боярского сына Ивана Толстоухова // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.
8. Грамота игумену Мисаилу о назначении его заказчиком на место игумена Феодосия по всей Даурской и Селенгинской десятине // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.
9. Грамота игумену Мисаилу о прирубке алтаря к часовне Знамения Пресвятой Богородицы на Посольском мысу // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.
10. Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. — М., 2000.
11. Иркутские Епархиальные Ведомости. — 1863. — № 49.
12. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. — М., 1996. — Т 1.
13. Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.
14. Никольский А. М. Забайкальская духовная миссия. 1681–1903. — М., 1904.
15. Никольский А. М. Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности общества за истекшее двадцатипятилетие (1870–1895 гг.). — М., 1895.
16. Память наместнику и заказчику архиерейских духовных дел игумену Мисаилу о поминовении царицы Наталии Кирилловны // Мелетий. Древняя церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. — Казань, 1895.
17. У митрополита Игнатия были собственные взгляды на соотношения «царства и государства»: см. Никулин А. И. Вопрос о «священстве» и «царстве» в мировоззрении митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Официальный сайт Московской православной духовной академии. — URL: http://history-mds.ru/publ/vopros-osvyashhenstve-i-tsarstve-v-mirovoznenii-mitropolita-ignatiya-rimskogo-korsakova_2388.html